

Научная статья

УДК 81'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-244-256>

## ПАРЕМИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ МОДУСНОГО КОНЦЕПТА «РУССКИЙ МИР» В ПРОСТРАНСТВЕ РУССКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРОЗЫ

**Ирина Ивановна  
Чумак-Жунь<sup>1</sup>**

**Мария Михайловна  
Голикова<sup>2</sup>**

---

<sup>1,2</sup> Белгородский государственный националь-  
ный исследовательский университет

<sup>1</sup> Российский университет дружбы  
народов имени Патриса Лумумбы

<sup>1,2</sup> Белгород, Россия

<sup>1</sup> Белгород, Москва, Россия, [chumak@bsuedu.ru](mailto:chumak@bsuedu.ru)

<sup>1</sup> <https://orcid.org/0000-0001-6790-1418>

<sup>2</sup> [golikova@bsuedu.ru](mailto:golikova@bsuedu.ru)

<sup>2</sup> <https://orcid.org/0000-0001-7029-3599>

---

**Аннотация.** В работе рассматривается поговорка как репрезентант модусного концепта «Русский мир» в пространстве русской эмигрантской прозы. Представленный подход интегрирует теорию модусных концептов, разрабатываемую в исследованиях Н. Н. Болдырева и Н. Ф. Алефиренко, в ограниченный текстовый корпус эмигрантской прозы, что позволяет предложить оригинальный инструмент для анализа субъективной репрезентации модусного концепта «Русский мир» через устойчивые выражения. Дифференцируются понятие Русского мира как культурно-духовного единства, выходящего за границы России и включающего диаспору, и одноименный модусный концепт, представленный в текстах эмигрантской прозы. Модусный концепт «Русский мир» трактуется как релятивный, не имеющий фиксированного однозначного определения и интерпретируемый по-разному в зависимости от контекста, идеологии и носителя дискурса. Его паремиологическая репрезентация в творчестве писателей-эмигрантов дает возможность проследить культурные сдвиги в нескольких ракурсах: активность использования поговорок в доэмигрантском и эмигрантском творчестве, состав паремических единиц (их денотативная отнесенность) и трансформация под влиянием инокультуры. Соответственно, выявляются те культурные смыслы, которые, несмотря на трансформации и модификации, сохраняют художественные тексты в инокультурном пространстве. Работа вносит вклад в когнитивную поэтику, лингвокультурологию и герменевтику текста, углубляя представление о модусных структурах языкового сознания. Установлено, что паремиологический текстовый фонд отражает, во-первых, индивидуальный мир автора, который трансформируется в эмиграции, и, во-вторых, общую картину мира художников слова в чужом культурном пространстве.

**Ключевые слова:** модусный концепт, Русский мир, поговорка, русская эмигрантская проза, лингвокультурология, когнитивная поэтика, герменевтика текста, культурные сдвиги.

**Для цитирования:** Чумак-Жунь И. И., Голикова М. М. Поговорка как репрезентант модусного концепта «русский мир» в пространстве русской эмигрантской прозы // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 2 (26). С. 244–256. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-244-256>

---

**Сведения об авторе:** И. И. Чумак-Жунь – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, Белгород, ул. Студенческая, 14; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; М. М. Голикова – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и русской литературы Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308007, Россия, Белгород, ул. Студенческая, 14

---

© Чумак-Жунь И.И., Голикова М.М., 2026



Scientific Article

UDC 81'42

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-244-256>**PROVERBS AS REPRESENTATIVES OF “THE RUSSIAN WORLD” MODAL  
CONCEPT IN THE SPACE OF RUSSIAN ÉMIGRÉ PROSE*****Irina I. Chumak-Zhun***<sup>1</sup>***Maria M. Golikova***<sup>2</sup><sup>1,2</sup> Belgorod State National Research University<sup>1</sup> Peoples' Friendship University of Russia<sup>1</sup> Belgorod, Moscow, Russia, [chumak@bsuedu.ru](mailto:chumak@bsuedu.ru)<sup>1</sup> <https://orcid.org/0000-0001-6790-1418><sup>2</sup> Belgorod, Russia, [golikova@bsuedu.ru](mailto:golikova@bsuedu.ru)<sup>2</sup> <https://orcid.org/0000-0001-7029-3599>

**Abstract.** The paper examines proverbs as representatives of the "Russian World" modal concept within the space of Russian émigré prose. The presented approach integrates the theory of modal concepts, developed in the works of N. N. Boldyrev and N. F. Alefirenko, into a specific corpus of émigré texts to propose an original tool for analyzing how set expressions subjectively represent the "Russian World" modal concept. The analysis distinguishes between the "Russian World" as a cultural and spiritual unity encompassing the diaspora and the corresponding modal concept found in literature. The study treats the "Russian World" modal concept as a relative entity that lacks a fixed definition and varies depending on context, ideology, and the discourse-bearer. Examining its proverbial representation in the works of émigré writers allows for tracking cultural shifts through several lenses: the frequency of proverb usage before and during emigration, the denotative reference of these units, and their transformation under the influence of a foreign culture. Consequently, the research identifies the cultural meanings that survive within a foreign environment despite various modifications. The work contributes to cognitive poetics, linguoculturology, and textual hermeneutics by deepening the understanding of modal structures in linguistic consciousness. Finally, the study establishes that the proverbial textual fund reflects both the author's individual world and the collective world-view of writers in a foreign cultural space.

**Keywords:** modal concept, Russian World, proverb, Russian émigré prose, linguoculturology, cognitive poetics, textual hermeneutics, cultural shifts, Russian literature abroad, *paremiae*.

**For citation:** Chumak-Zhun, II; Golikova, MM 2026, 'Proverbs as Representatives of "The Russian World" Modal Concept in the Space of Russian Émigré Prose', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 2 (26), pp. 244–256, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-2-244-256> (in Russ.)

**Information about the Author:** *Irina I. Chumak-Zhun* – Doctor of Science, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 14 Studencheskaya Str, Belgorod, 308007, Russia; Peoples' Friendship University of Russia, 6 Mikluho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russia.

*Maria M. Golikova* – PhD in Philology, senior lecturer of the Department of Russian Language and Russian Literature, Belgorod State National Research University, 14 Studencheskaya Str, Belgorod, 308007, Russia

© Chumak-Zhun I. I, Golikova M. M, 2026

## Введение

Сочетание *Русский мир* как обозначение культурно-духовного единства, выходящего за границы России и включающего диаспору, возникло относительно недавно – на рубеже XX–XXI вв., но успело так прочно закрепиться в отечественной научной среде, что, несмотря на размытость дефиниции и неопределенность признаков, приобрело терминологическое звучание. Среди вариантов интерпретации, которые являются определяющими в понимании термина, С. Н. Кочеров выделяет четыре основных: геополитический («реальность, стремящаяся вернуться к своим естественным границам» [13, с. 164]); экономический («сеть сообществ, где происходит концентрация и повышается производительность русского капитала с целью формирования инновационной экономики, развития человеческих ресурсов и совершенствования институтов в ядре русского мира, – России» [13, с. 164]); культурный («уникальная этнокультурная общность людей, объединенных русским языком, своей историей, нормами и ценностями, проживающих далеко не только в России» [13, с. 164]); религиозный («православная цивилизация, включающая в себя под именем Святой Руси, помимо России, также Белоруссию, Украину и Молдову» [13, с. 164]). «Особую значимость, – отмечает автор, – понятию русского мира в настоящее время придает неоднократно высказанная публичная поддержка этому концепту со стороны президента России В.В. Путина» [13, с. 164].

Закономерно, что во всех вариантах интерпретации речь идет о явлении, «не привязанном» к определенной территории, – границы русского мира зависят от духовной, языковой или идентификационной связи, которую в общем виде можно определить как русскую идею: «не может быть русского мира без русской идеи, которая задает общую цель и через нее определяет общий проект развития» [13, с. 165].

Безусловно, основной «хранительницей» отечественной культуры за рубежом, включая «русскую идею» и концепты «русскости», выступает эмигрантская литература (см. лингвистические, литературоведческие и культурологические работы Е. А. Земской [8], М. Я. Гловинской [7], Ю. Н. Караулова [10], В. В. Агеносова [1], О. Н. Михайлова [16], М. О. Бароновой [4] и др.). Она формирует «малую Россию», передавая традиции, язык и национальное самосознание новым поколениям, что напрямую вписывается в современное определение «Русского мира» как глобального культурного пространства. Литература в условиях эмиграции сохраняет и трансформирует ключевые языковые элементы русской идентичности, одним из которых является паремиология, представляющая в художественном тексте национальную специфику описываемого мира. Культурная означенность паремиологических единиц однозначно и безусловно маркирует их как единицы национального знания, на которых базируется картина мира любого носителя языка, в нашем случае – писателя. В произведениях художественной литературы паремии (как и другие знаки вторичного семиозиса) соответствуют «сложным модусным перспективам» и «сложным модусным структурам», которые О. Н. Копытов (правда, относительно пространства современного медиатекста) определяет как «логические, эмоциональные и выразительные последовательности, когда из отдельного высказывания распространяются модусные смыслы на некоторые дистанции текста или весь текст» [11, с. 75]. В этой роли русские паремии в эмигрантских текстах являются репрезентантами модусного концепта «Русский мир».

По мнению Н.Ф. Алефиренко, модусный концепт – это основание различения естественного (монологичного, бессмысленного) и человеческого мира (с его смысловой значимостью и культурой) [2, с. 9]. Модусный концепт обеспечивает переход от значения (внеконтекстного) к смыслу (дискурсивному, интенциональному), делая герменевтику диалогом с контекстом. Он актуален для понимания этнической ментальности и креативности языка. Состав модусных концептов окончательно не опре-

делен и варьируется в зависимости от цели исследования. Н. Н. Болдырев пишет о таких модусных концептах, как отрицание, приблизительность, эвиденциальность, оценка [5].

Концепт «Русский мир» можно отнести к числу модусных по нескольким причинам:

- по теории Н. Н. Болдырева, модусный концепт – модус интерпретации реальности, концепт оценочный;
- являясь когнитивной структурой, выражает субъективное (ассоциативно-образное) отношение человека к объектам речемышления;
- представляет энергетическую или личностную категорию, проявляющуюся в поведенческих и мировоззренческих особенностях индивидуума [5].

«Русский мир» – модусный концепт, отражающий идею культурно-языкового и духовного единства россиян. Являясь частью индивидуально-авторской картины мира писателя, он несет исключительно субъективную оценку, при этом оказывает эмоциональное воздействие на читателя в зависимости от эстетической цели автора. В произведениях эмигрантской прозы паремии кодируют модусный концепт «Русский мир» через культурную специфику и эмоциональную оценку, передавая в том числе, специфическую для русской культуры ностальгию.

### **Материалы и методы**

Модусный концепт «Русский мир» является релятивным, так как не имеет фиксированного, однозначного определения и интерпретируется по-разному в зависимости от контекста, идеологии и носителя дискурса. Наша цель – определить, прослеживаются ли закономерности в изменении паремиологического фонда русской эмигрантской литературы в зависимости от времени (волны) эмиграции и внешнего контекста. Это делает целесообразным изучение особенностей его функционирования в контексте творчества писателей-эмигрантов в нескольких ракурсах. Мы рассматриваем:

- количество паремий в доэмигрантском и эмигрантском творчестве писателей;
- изменение их содержания (то есть денотативной отнесенности) в чужой культурной среде;
- их трансформацию под влиянием инокультуры.

Путём сплошной выборки из прозаических произведений авторов первой, второй и третьей волн эмиграции: И. А. Бунина, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева, В. В. Набокова, И. С. Шмелёва, Г. Андреева (Хомякова), Л. Д. Ржевского (Суражевского), В. Юрасова (В. И. Жабинского), В. П. Аксёнова, В. П. Некрасова, С. Д. Довлатова, создавалась картотека паремий, которые впоследствии сравнивались с данными лексикографических источников, среди которых основным стал труд В. И. Зимина и А. С. Спирина «Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь» [9].

Репрезентативность формируемого корпуса паремий обеспечивалась произведениями малых, средних и крупных жанров, созданными писателями до и после эмиграции. Исключением стали авторы, публиковавшие прозаические тексты только после эмиграции и/или предпочитавшие только одну жанровую форму. Среди произведений, написанных в доэмигрантский период, источниками исследуемого материала стали повести И. А. Бунина «Деревня» и «Суходол», А. И. Куприна «Поединок», И. С. Шмелёва «Человек из ресторана» и «Неупиваемая чаша», роман Л. Н. Андреева «Сашка Жегулев», повести В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» и «Кира Георгиевна», роман В. П. Аксёнова «Золотая наша железка» и повесть «Коллеги». Основой для изучения художественного пространства эмигрантского пе-

риода стали рассказ И.А. Бунина «Тёмные аллеи», повесть «Митина любовь», роман «Жизнь Арсеньева»; романы А. И. Куприна «Колесо времени», «Юнкера», повесть «Жанета», рассказ «Ночная фиалка»; эпопея И. С. Шмелёва «Солнце мёртвых», рассказ «Забавное приключение»; романы В. В. Набокова «Защита Лужина» и «Лолита», повесть «Соглядатай»; романы Л. Д. Ржевского «Две строчки времени», «Между двух звёзд», повести «Сентиментальная повесть», «Звездопад», «Клим и панночка», рассказ «Полдюжины талантов»; романы В. Юрасова «Враг народа» и «Параллакс»; повесть Г. А. Андреева «Трудные дороги», рассказы «Тамара» и «Два Севостьяна»; повести В. П. Некрасова «По обе стороны стены», «Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы...», рассказы «Девятое мая» и «Виктория»; романы В. П. Аксёнова «Бумажный пейзаж» и «Желток яйца». В этот перечень не были включены тексты, где не обнаружено паремий (н-р, произведения С. Д. Довлатова). При этом отсутствие паремий может служить показательным маркером идиостиля писателя.

### **Исследование**

Паремии играют важную роль в сохранении культурного кода этноса. По мнению Н. Ф. Алефиренко и Н. Н. Семененко, богатый семантический и прагматический потенциал паремий обуславливается их синкретичной природой, способностью совмещать признаки свободных, семантически связанных и культурно самодостаточных единиц. Паремии, по мнению исследователей, «не просто выражают умозаключение относительно какого-либо положения вещей, охарактеризованного в контексте, – они включаются в контекст в качестве вторичного мини-текста. При этой паремии выступают в роли своеобразной аллюзии (ссылки, апелляции) к целому фонду житейской мудрости (паремическому фонду языка)» [3, с. 311]. Неслучайно именно паремии нередко становятся репрезентаторами тех категорий, которые и образуют «ценностную» картину мира носителя языка. Дополнительная интерпретация этноязыковых маркеров, содержащихся в такой единице, позволяет охарактеризовать аксиологические доминанты, характерные не для абстрактного, а для конкретного этноса. В случае с изучением материала эмигрантов подобный анализ приобретает дополнительное значение и даёт возможность определить взаимовлияние «своей» и «чужой» лингвокультур на языковую личность.

Паремии-репрезентанты модусного концепта «Русский мир» отражают реальность авторского мира, представленного в до- и послеэмигрантской литературе. Так как все исследуемые нами писатели-эмигранты писали на русском языке и начинали свой творческий путь на родине, в России, то все их произведения отражают специфику Русского мира.

Важным для изучения представляется, в первую очередь, статистический параметр. Как выяснилось, частотность использования паремий в творчестве каждого из рассматриваемых писателей опирается на целый комплекс факторов: идиостилевые особенности, общие тенденции, характерные для волны в целом, внешнее историко-культурное пространство и т.п. Общее соотношение представлено в таблице [Таблица 1] (составлена на основе авторской картотеки), где учтены случаи употребления паремий в творчестве каждого из исследуемых авторов (курсивом выделены писатели, создававшие прозаические произведения только после эмиграции):

Таблица 1

**Сводная таблица частотности употребления паремий  
в творчестве писателей-эмигрантов**

Автор	До эмиграции (число единиц)	После эмиграции (число единиц)
<i>Первая волна</i>		
Бунин И. А.	35	9
Куприн А. И.	5	16
Набоков В. В.	-	4
Шмелёв И. С.	7	4
Андреев Л. Н.	7	-
<i>Вторая волна</i>		
Ржевский Л. Д.	-	20
Андреев Г. А.	-	3
Юрасов В. И.	-	32
<i>Третья волна</i>		
Аксёнов В. П.	5	9
Некрасов В. П.	4	13
Довлатов С. Д.	-	-

Как видим, для эмигрантов первой волны (за исключением А.И. Куприна) более характерно снижение частотности употребления паремий, тогда как у представителей второй и третьей волны наблюдается обратная тенденция.

Интересные выводы позволяет сделать обращение к текстам, созданным авторами первой волны эмиграции. Наиболее показательным изменением количества паремий в произведениях И. А. Бунина. Можно выявить прямую взаимосвязь частоты использования паремий с особенностями самих произведений. Явного влияния жанровой принадлежности произведения не отмечается, в отличие от его тематической направленности. Наибольшее количество паремий можно встретить в произведениях, связанных с деревней (повести «Суходол» и «Деревня»), тогда как в рассказах, где большее внимание уделяется чувствам героев, а не окружающему их фону, пословицы и поговорки фактически не встречаются. Это может служить доказательством использования паремий как элемента моделирования особого колорита, что обуславливается фольклорным происхождением единиц.

Обратимся к названным выше повестям И. А. Бунина – «Деревня» и «Суходол», написанным, соответственно, в 1909 и 1911 годах, в которых представлена жизнь русской деревни. Паремиологический фонд, вне отнесенности к речевому портрету героев произведения (будь то рассказчик или персонаж), связан с представлением о своих (о Русском мире) – модус отражает ситуацию обустройства пространства *своих*. Универсальные законы человеческого существования переданы здесь в этноспецифических моделях.

**Устройство своего мира.** Свой мир должен строиться неторопливо, с пониманием традиционного уклада, все должно быть определено, поименовано: *без троцы дом не строится, без четырех углов – изба не кроется; без имени и овца баран* («Деревня»).

**Место каждого и отношение между обитателями мира:** *руби древо по себе; стар кобель, да не батькой звать; лезет в волки, а хвост собачий; живем – не мотаем, попадешься – обротаем; связался черт с младенцем; свои, сочтемся («Деревня»), сколько волка ни корми, он все в лес смотрит; волк коню не свойственник («Суходол»).*

**Главное в своем мире – справедливость и оборотливость:** *всем богам по сапогам; по холопу и барин, по Сеньке и шапка; и рад бы в рай, да грехи не пускают; не те деньги, что у бабушки, а те, что в пазушке; были б денежки в кармане, будет тетушка в торгу («Деревня»).*

**Очень важны динамика, движение, невозможность возвращения:** *мертвых с погоста не носят (в «Суходоле» и в «Деревне»); воду толочь – вода будет; раньше смерти не помрешь («Деревня»).*

**Свой мир предполагает осознание права сильного, борьбу «за место под солнцем», неприятие лжи и лицемерия:** *черту рога сломать; хватать за пельки; на кобеля плеснешь – шерсть соскочет; считай во рту зубы; худая трава из поля вон; ненадолго лягушке хвост; чужую беду – руками разведу («Деревня»).*

Значима не только частотность, но и специфика употребления паремий. Так, И. А. Бунин прибегает к трансформации выражений. Преобразованию может подвергаться структурно-смысловая составляющая выражения: *Мы, бывалыча, так-то все ночи напролет прогуливали... Одна заря выгонит, другая загонит...* в повести «Суходол» противопоставляется зафиксированному в лексикографических источниках варианту *Заря вгонит, другая выгонит*, употребляющемуся и в просторечии, и в художественной литературе. Образ *зари* как темпорального маркера характерен для русской лингвокультуры, что подтверждается Толковым словарём В. И. Зиминой: в разделе «Время» представлено немало единиц с компонентом *заря* (*Ни свет, ни заря; Заря занимается, а он ещё дрыхнет; Заря надежду родит; Заря золотом сыплет* и др. [9, с. 481]). Трансформация паремий на семантическом уровне может становиться очевидной из контекста. Так, значение пословицы *куда иголка, туда и нитка* традиционно определяется сильной связью между двумя людьми, чаще всего мужем и женой. Пример из повести «Суходол» демонстрирует разрушение этой связи: – Что делать-с: привычка, – скромно говорила она. – *Уж куда иголка, туда, видно, и нитка. Где родился, там годился...* Эти слова, скорее, демонстрируют глубокую привязанность героини к родной деревне, тесную связь с корнями, а не с конкретным человеком.

Паремии в произведениях И. А. Бунина органично вплетаются в сюжетную канву, делая речевые портреты героев более рельефными и реалистичными. Этому способствует, среди прочего, употребление просторечных вариантов отдельных пословиц. *А мне что ж стыдиться? Люди ложь, и я тож,* – говорит герой повести «Деревня», используя разговорный вариант пословицы, основанной на тексте псалма. Нередко автор подчеркивает «народность» того или иного выражения, употребляя его рядом с вводными конструкциями *вроде, как говорится, как говорят в народе* и т.п.: *Только, правда говорится, – волк коню не свойственник («Суходол»).*

Паремии, будучи фольклорным образованием, становятся кладезем лингвокультурных маркеров. Так, описывая жизнь обитателей деревни, И. А. Бунин активно использует паремии, основанные на приметах и обрядах (например, связанных со сватовством и свадьбой). Интерес представляют и выражения, включающие в себя

компоненты, иллюстрирующие подробности быта крестьян. Такова, например, диалектная поговорка *за пельки брать*, распространенная на территории родного писателю Черноземья. Под *пельками*, в зависимости от конкретного региона, принято понимать различные предметы одежды или же части тела.

В послереволюционных произведениях писателя картина меняется.

Из 35 паремий в названных произведениях всего 7 встречается в послеэмигрантских. Их ограниченность позволяет привести их полный список: *Чем богат, тем и рад*; *Одна ласточка весны не делает* («Жизнь Арсеньева»); *Смерть как солнце, на нее не глянешь* («Жизнь Арсеньева»); *Долгие проводы – лишние слезы* («Жизнь Арсеньева»); *Сколько лет, сколько зим* («Жизнь Арсеньева»); *Сухая ложка рот дерет* («Митина любовь»); *Мертвых с погоста не носят* («Темные аллеи»).

Очевидно, что состав паремий изменился – и количественно, и содержательно. Они не выстраивают, как в доэмигрантском творчестве, картину мира своих – это или своего рода ситуативные маркеры (*чем богат, тем и рад*; *сколько лет, сколько зим*; *сухая ложка рот дерет*), или фразы, наполненные драматическим смыслом (*Смерть как солнце, на нее не глянешь*; *Долгие проводы – лишние слезы*; *Мертвых с погоста не носят*)

Иная картина – в произведениях А. И. Куприна. После эмиграции он, напротив, значительно чаще использует паремии, даже в произведениях, сюжет которых разворачивается за пределами России. При этом авторское идиоматическое пространство выстраивается вокруг отдельных фразеологических образов, которые активно используются в виде трансформированных конструкций. Узуальная паремия *С милым рай и в шалаше*, в словаре Зимина толкуется следующим образом: «с любимым человеком везде хорошо, в любых условиях» [9, с. 269]. Исследователь подчёркивает выраженную принадлежность паремии к русской культуре, называя её «собственно русским выражением» и указывая источник происхождения – «стихотворение малоизвестного поэта Н. М. Ибрагимова «Русская песня» (1815 г.)» [9, с. 269]. А. И. Куприн сравнительно часто обращается к этой паремии, используя не только узуальную, но и трансформированную её форму. В центре внимания оказывается образ шалаша, в котором уютно чувствовать себя с близким человеком. Писатель, используя сокращённый вариант паремии, отталкивается от фонового понимания фразеологического образа, способности носителя русского языка и культуры «расшифровать» аккумулятивный в конструкции шифр. Однако в контексте проступает новый смысл – идиллия утрачена, говорящий не верит в рай в шалаше, этот элемент модусного концепта «Русский мир» теряет актуальность: *Вы, по-видимому, все мечтаете о рае в шалаше, а не о деньгах?* («Жанета»); *А это – немного по теперешнему времени, когда о шалаше и рае не вспоминают даже в шутку* («Жанета»); *Рая в шалаше я не понимаю, не хочу и даже, пожалуй, презираю его, как эгоистическую глупость* («Юнкера»).

Творчество писателей второй волны эмиграции во многом стилистически и идейно перекликается с произведениями более ранних эмигрантов. Так, считающийся продолжателем бунинской традиции Л. Д. Ржевский активно использовал паремии, в т. ч. трансформированные. Одно и то же выражение может выступать в качестве своеобразного фона. Так, проходящий рефреном в «Сентиментальной повести» мотив прощания автор усиливает с помощью паремии *Дальние проводы – лишние слёзы*: «*Дальние проводы – лишние слезы*». *Вот и эта мудрость, как и нападки на сентиментальность, вымудрена была до последней вой-*

ны, до тоталитаризмов и железных занавесей, и затем по тексту «Дальние проводы – лишние слезы». Помню, когда за окном по перрону пропечатали твердые чьи-то шаги... («Сентиментальная повесть»). В. И. Зимин, комментируя эту поговорку (узуальный вариант, где проводы названы не дальними, а долгими), говорит о том, что «сам отъезжающий нервничает, переживает, и остающиеся, то есть, провожающие, плачут» [9, с. 498]. Такая трактовка в полной мере соответствует настроению «Сентиментальной повести» и показывает, как паремия позволяет автору точнее передать состояние героя-рассказчика.

Ещё одной примечательной особенностью использования паремий представителями второй и третьей волны эмиграции можно считать включение заимствованных единиц. Они могут передаваться как дословно, так и в виде перевода/адаптации к русской лингвокультуре. Так, у уже упомянутого Л. Д. Ржевского в произведениях встречается французская поговорка *L'âge n'est que pour les chevaux* (досл. 'По возрасту судят о лошадях', т. е. 'о возрасте не спрашивают'). В романе «Между двух звёзд», написанном в 1953 году, паремия передаётся в соответствии с оригиналом: *А возраст... «L'âge n'est fait que pour les chevaux» – говорят французы...* («Между двух звёзд»). В романе «Две строчки времени», написанном спустя два десятилетия, эта паремия не просто дословно переведена на русский язык, но ещё и прокомментирована в рамках художественного текста: *Эта относительность древности со всякими бодряческими с французского: «Возраст существует только для лошадей» – была, конечно, у меня на вооружении, наряду с еще крепкими мускулами, но не имела никаких «с подлинным верно» со стороны («Две строчки времени»)*. Очевидно, что осознание паремии как лингвокультурного артефакта сохраняется в сознании носителя языка даже спустя годы после эмиграции.

Богатая палитра паремиологических трансформаций выявлена у представителей третьей волны эмиграции. Это особенно ярко проявляется в идиостиле В. П. Аксёнова, активно использующего разные формы языковой игры, аллюзии и отсылки к известным образам. Паремии в его текстах – инструмент создания особого колорита, ритмики текста. Неслучайно развёрнутая паремия нередко сжимается автором до единицы, структурно-семантически приближаемой к лексеме: *О, дорогой мой Федот-да-не-тот, дот-дот-дот...* («Желток яйца») – трансформация поговорки *Федот, да не тот; ... слова-не-воробыи вылетели из грешного красиво очерченного рта под голубиной священного Кремлевского купола* («Бумажный пейзаж») – трансформация поговорки *Слово не воробей, вылетит – не поймаешь*. Писатель присваивает паремии, играет с ними, пробуя их звучание «на вкус». Он актуализирует их смысловое наполнение, переводит в современный контекст, делая их частью советского мира: *Ну вот, конечно, и вторая парочка, баран да ярочка, Солженицын – Сахаров* («Бумажный пейзаж»). Новое смысловое наполнение паремий опоявляется здесь благодаря употреблению рядом с именами, которые можно считать прецедентными не только для советской, но и во многом для мировой общественности. Такой непривычный синтез традиционного культурного образа и политически обусловленных реалий создаёт особый эффект в рамках текстового пространства. Интересно, что подобные сложно организованные трансформации появляются именно после эмиграции. Тогда же учащаются отсылки к иноязычному паремиологическому фонду: – *Теперь самое время ободрать кошку, ребята,* – прокрипел он («Желток яйца»). Расшифровка смысла этого выражения предполагает культурные пресуппозиции – здесь присутствует отсылка к английской поговорке *There's more than one way to skin a cat* (досл. 'Существует

более одного способа освежевать кошку»; существует более одного способа решения проблемы).

### **Результаты исследования**

Результаты исследования согласуются с подходами, трактующими «Русский мир» как культурно-языковую общность, выходящую за пределы национальных границ (см. работы С. Н. Кочерова [13]), но уточняют их за счёт модусного и герменевтического анализа паремий как репрезентантов модусного концепта «Русский мир» в текстах писателей-эмигрантов, причем не только в художественных произведениях, написанных после того, как они покинули Родину, но и в «доэмигрантский» период.

Паремии, будучи значимым лингвокультурным феноменом, часто привлекают внимание исследователей (см. работы Н. Ф. Алефиренко [3], В. М. Мокиенко [14], И. И. Чумак-Жунь [19], Г. В. Токарева [18], Л. Б. Савенковой [17]), но здесь «Русский мир» описан не только через концептуальные признаки, но через модусные структуры текста – авторский ракурс, оценку, эмоциональное переживание, которые проясняются через паремиологический фонд. Несмотря на то, что роль паремии в художественном тексте нередко становится предметом исследовательского поиска (см. работы О. В. Ломакиной [15], А. В. Корольковой [12], Е. Н. Ясюкевич [21]), пространство эмигрантского текста под таким углом рассматривается очень редко (см. работы А. Д. Шмелева [20], М. М. Голиковой [6]), что делает его продуктивным полем для дальнейших изысканий.

Подход в ракурсе изучения устойчивых выражений как репрезентантов модусного концепта «Русский мир» позволяют сделать вывод, что в текстах эмигрантов паремии репрезентирует не только коллективную, но и индивидуально-авторскую картину мира, где «Русский мир» переживается как утраченный, фрагментарный, соотносимый с «чужим» культурным пространством. Паремии сохраняют «Русский мир» как модус культурной идентичности, трансформируясь под инокультурой, что наглядно представляет количественное и качественное сравнение единиц в творчестве представителей разных волн эмиграции – с одной стороны, традиционный образ «Русского мира» (соборность, «свой» дом, уклад) воспроизводится уже самим фактом использования устойчивых выражений, а с другой – фиксируются модусные сдвиги: усиление ностальгии, трагического разрыва со «своим» пространством, появление трансформации прежних ценностей.

### **Заключение**

Русский мир как описанное выше культурное явление сохраняется во многом благодаря тому образу России, который отражен в текстах наших соотечественников, творящих за рубежом.

Обращение к паремиям в эмигрантской прозе позволяет расширить представление о модусном концепте: он описывается не абстрактно, а в его тексто-дискурсивной «работе», в переходе от значения к дискурсивному смыслу. Корни исследования модусного концепта лежат в феноменологии и философии языка, исследующего связь между языковыми формами и системой ценностей. Паремии в русской эмигрантской прозе выступают репрезентантами модусного концепта «Русский мир», позволяя описать его как специфическую субъективно-оценочную картину мира, формирующуюся в условиях культурного разрыва и пребывания в «чужом» пространстве. Сравнение примеров из текстов представителей разных волн эмиграции, разных периодов (доэмигрантского и эмигрантского), а также маркированность

паремий из произведений отдельных писателей, дает возможность определить этнокультурные особенности паремий в творчестве представителей русского зарубежья в целом, а также определить, какое влияние на этноязыковое сознание оказывает перемещение из одной лингвокультуры в другую.

Паремиологический текстовый фонд одновременно:

а) сохраняет традиционные этнокультурные представления (образ дома, общности, «своего» круга);

б) фиксирует трансформацию этих представлений в эмиграции – появление мотивов утраты, ностальгии, внутренней раздвоенности между «своим» и «чужим».

### **Список источников и литературы**

1. Агеносов В. В. Литература русского зарубежья (1918-1996). Москва: Terra. Спорт, 1998. 543 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Смысл, модусные концепты и значение // Вестник ЧелГУ. 2013. № 31 (322). С. 8–14.
3. Алефиренко Н. Ф., Семененко Н. Н. Фразеология и паремиология. Москва: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
4. Баронова М. О. Диалектика обстоятельств и ценностей в культуре российской эмиграции «второй волны»: диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии. Москва, 2023. 220 с.
5. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.
6. Голикова М. М. «Своё чужое»: специфика функционирования иноязычных фразеологических единиц в произведениях русских писателей-эмигрантов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 1. С. 139–145.
7. Гловинская М. Я. Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии (на материале русского языка) // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М. В. Панова. Москва: Языки русской культуры, 2001. С. 42–59.
8. Земская Е. А. Язык русского зарубежья: два полюса // Язык. Культура. Гуманитарное знание. К столетию Г.О. Винокура. Москва, 1999. С. 236–257.
9. Зимин В. И., Спиринов А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, Москва: Цитадель-трейд, 2006. 544 с.
10. Караулов Ю. Н. Некоторые наблюдения над русским языком зарубежья // La revue Russe. 1992. № 3. S. 31–53.
11. Копытов О. Н. Концепция модуса на пространстве текста и ее возможности для исследования медиатекста // Медиалингвистика. 2015. № 4 (10). С. 69–82.
12. Королькова А. В., Новикова Т. С. Субстандартная паремиология в художественном тексте // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 5. С. 98–103.
13. Кочеров С. Н. Русский мир: проблема определения // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 5. С. 163–167.
14. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317.
15. Ломакина О. В. Национальное в индивидуальном: пословицы и поговорки в художественных произведениях Л. Н. Толстого // Cuadernos de Rusística Española. 2009. № 5. С. 11–20.
16. Михайлов О. Н. Литература русского зарубежья. – Москва: Просвещение, 1995. 432 с.
17. Савенкова Л. Б. Русские паремии как функционирующая система: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ростов-на-Дону, 2002. 484 с.
18. Токарев Г. В. Счастье рядом: отражение лингвокультурного опыта в паремиях // Проблемы семантики и прагматики языковых единиц разных уровней в эпоху

больших языковых данных : Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой, Калуга, 28–30 июня 2025 года. Калуга: ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского», 2025. С. 374–377.

19. Чумак-Жунь И. И. Дейксис как отражение наивной картины мира в лексикографическом источнике (на материале объяснительного словаря «Пословицы и поговорки русского народа» В. И. Зиминой и А. С. Спирина) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. № 3(15). С. 125–134.
20. Шмелев А. Д. Паремии, используемые в прозе Солженицына, и проблемы их перевода // Шаги/Steps. 2020. №3. С. 152–169.
21. Ясюкевич Е. Н. Пословицы и поговорки в художественном тексте: функциональный аспект // Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні: зб. навук. прац. Гродна: ЮрСаПрынт, 2015. С. 243–246.

### References

1. Agenosov, VV 1998, *Literatura russkogo zarubezhya* (1918–1996) (Literature of the Russian diaspora (1918–1996)), Terra.Sport publ, Moscow. (In Russ.)
2. Alefirenko, NF 2013, ‘Smysl, modusnye kontsepty i znachenije’ (Meaning, modus concepts and value), *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. (Bulletin of Chelyabinsk State University), *Filologiya. Iskusstvovedeniye. Vypusk 84* (Philological Sciences. Art Criticism. Issue 84), no. 31 (322), pp. 8–14. (In Russ.)
3. Alefirenko, NF & Semenenko, NN 2009, *Frazeologiya i paremiologiya* (Phraseology and paremiology), Flinta publ, Moscow. (In Russ.)
4. Baronova, MO 2023, *Dialektika obshchiny i tsennostey v kulture rossiyskoy emigratsii «vtoroy volny»* (The Dialectic of circumstances and values in the culture of the Russian emigration of the “second wave”), PhD thesis, Moscow. (In Russ.)
5. Boldyrev, NN 2014, *Kognitivnaya semantika. Vvedeniye v kognitivnyuyu lingvistiku* (Cognitive semantics. Introduction to Cognitive Linguistics), TGU publ, Tambov. (In Russ.)
6. Golikova, MM 2023, ‘«Svoyo chuzhoe»: spetsifika funktsionirovaniya inoyazychnykh frazeologicheskikh edinit v proizvedeniyakh russkikh pisateley-emigrantov’ (“One’s Own Foreign”: The Specifics of Functioning of Foreign Phraseological Units in the Works of Russian Émigré Writers), *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* (Philology. Theory & Practice), vol. 16, no. 1, pp. 139–145. (In Russ.)
7. Glovinskaya, MYa 2001, *Yazyk emigratsii kak svidetelstvo o neustoychivyykh uchastkakh yazyka metropolii (na materiale russkogo yazyka)* (The language of emigration as evidence of unstable sections of the language of the metropolis (based on the material of the Russian language), *Yazyki russkoy kultury* publ, Moscow, pp. 42–59. (In Russ.)
8. Zemskaya, EA 1999, *Yazyk russkogo zarubezhya: dva polyusa* (The language of the Russian diaspora: two poles), Moscow, pp. 236–257. (In Russ.)
9. Zimin, VI & Spirin, AS 2006, *Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda. Bolshoy obyasnitelnyy slovar* (Proverbs and sayings of the Russian people. Large explanatory dictionary), Feniks publ, Moscow. (In Russ.)
10. Karaulov, YuN 1992, ‘Nekotorye nablyudeniya nad russkim yazykom zarubezhya’ (Some observations on the Russian language abroad), *La Revue Russe*, no. 3, pp. 31–53. (In Russ.)
11. Kopytov, ON 2015, ‘Konceptsiya modusa na prostranstve teksta i yeyo vozmozhnosti dlya issledovaniya mediateksta’ (The concept of mode in the text space and its possibilities for media text research), *Medialingvistika* (Media Linguistics), no. 4 (10), pp. 69–82. (In Russ.)
12. Korolkova, AV & Novikova, TS 2025, ‘Substandartnaya paremiologiya v khudozhestvennom tekste’ (Substandard paremiology in fiction), *Uchyonye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* (Proceedings of Petrozavodsk State University), vol. 47, no. 5, pp. 98–103. (In Russ.)
13. Kocherov, SN 2014, ‘Russkiy mir: problema opredeleniya’ (The Russian World: The Problem of Determination), *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* (Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod), no. 5, pp. 163–167. (In Russ.)

14. Lomakina, OV & Mokienko, VM 2018, 'Tsennostnye konstanty rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo yazykov)' (Value Constants of the Rusin Paremiology (Compared with the Ukrainian and Russian Languages)), *Rusin*, no. 4 (54), pp. 303–317. (In Russ.)
15. Lomakina, OV 2009, 'Natsionalnoye v individualnom: poslovitsy i pogovorki v khudozhestvennykh proizvedeniyakh L.N. Tolstogo' (The national in the individual: proverbs and sayings in the works of art by Leo Tolstoy), *Cuadernos de Rusística Española*, no. 5, pp. 11–20. (In Russ.)
16. Mikhaylov, ON 1995, *Literatura russkogo zarubezhya* (Literature of the Russian diaspora), Prosveshcheniye publ, Moscow. (In Russ.)
17. Savenkova, LB 2002, *Russkiye paremii kak funktsioniruyushchaya sistema* (Russian paremias as a functioning system), doctoral thesis, Rostov-on-Don. (In Russ.)
18. Tokarev, GV 2025, 'Shchaste ryadom: otrazheniye lingvokulturnogo opyta v paremiyakh' (Happiness is nearby: reflection of linguistic and cultural experience in parodies), *Problemy semantiki i pragmatiki yazykovykh edinit raznykh urovney v epokhu bolshikh yazykovykh dannykh*, Kaluga, pp. 374–377. (In Russ.)
19. Chumak-Zhun, II 2023, 'Deyksis kak otrazheniye naivnoy kartiny mira v leksikograficheskom istochnike (na materiale obyasnitel'nogo slovarya «Poslovitsy i pogovorki russkogo naroda» V. I. Zimina i A. S. Spirina)' (Deixis as a Reflection of a Naive Worldview in a Lexicographic Source (Based on the Explanatory Dictionary "The Proverbs and Sayings of the Russian People" by V. I. Zimin and A. S. Spirin)), *Tul'skiy nauchnyy vestnik. Seriya Istoriya. Yazykoznanie* (Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics), no. 3 (15), pp. 125–134, doi: <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2023-3-125-134> (In Russ.)
20. Shmelev, AD 2020, 'Paremii, ispolzuemye v proze Solzhenitsyna, i problemy ikh perevoda' (Translating proverbs in Solzhenitsyn's literary work: Problems and solutions), *Shagi/Steps*, no. 3, pp. 152–169. (In Russ.)
21. Yasyukevich, EN 2015, 'Poslovitsy i pogovorki v khudozhestvennom tekste: funktsionalnyy aspekt' [Proverbs and sayings in a literary text: functional aspect] in DM Lebedevich (ed.), *Respublikanskiya Kupalauskiya chytanni: zbornik navukovykh artykula*, 09 October 2015, Grodno, YurSaPrint publ, Grodno, pp. 243–246 (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.03.2026  
Одобрена после рецензирования: 28.04.2026  
Принята к публикации: 08.06.2026

The article was submitted: 28.03.2026  
Approved after reviewing: 28.04.2026  
Accepted for publication: 08.06.2026